

чалась от париков, видно из того, что в этом же документе, в том месте, где говорится о привилегиях париков в отношении освобождения от налогов, эти *δουλευτοπαριχοι* вовсе не упоминаются. Это говорит лишь о том, что они были полной собственностью их владельца, в данном случае монастыря, и не могли выступать перед государством в качестве юридического лица даже в качестве налогоплательщиков.

Следует, наконец, отметить интересное сравнение, приводимое в переписи париков Патмосского монастыря, произведенной *ἀπογραφεὺς* Львом Эскатисменом в 1263 г. Говоря о находящихся во владениях монастыря *δουλευταί*, он поясняет, что они, как известно, называются париками (*...δουλευτῶν, οὗς παριχοὺς οἰδαμεν ὀνομαῖς εἶναι*).⁷⁰ Это наиболее яркий пример, когда *δουλευταί* так явно сближаются с *παριχοι*. Впрочем, это, конечно, говорит не об идентичности этих категорий, а лишь о представлении об усиливавшемся закреплении париков в поздне-византийское время.

Прежде чем перейти к категории производителей, стоящей вне пределов зависимого крестьянства, вернемся еще раз к дополнительной характеристике положения париков. Г. А. Острогорский утверждал, что земли зависимых париков были наиболее производительными из всех земельных владений. Это утверждение явно ошибочно. Особенно сильно ошибается Острогорский, когда заявляет, что между свободными крестьянами и париками не было „экономической или социальной пропасти, что экономически сравнение было не в пользу свободного крестьянства“.⁷¹ Положение свободных крестьян в поздней Византии, бесспорно, не было легким. Свободное крестьянство было обременено государственными налогами и многочисленными повинностями; ему постоянно угрожали захваты его наделов крупными феодалами. Но у свободного крестьянства оставалось в руках мощное орудие борьбы против крупного землевладения в лице крестьянской общины. Уже тот факт, что община, несмотря на все удары, которые она претерпела на протяжении ряда веков, уцелела и в поздне-византийское время, свидетельствует о том, какое большое значение она имела в жизни византийского свободного крестьянства. Византийское крестьянство не уступало без борьбы своих позиций; эта борьба в поздне-византийское время ширилась и углублялась и помогала ему сохранять свои условия существования, несомненно, лучшие, чем у зависимых париков. Да и совершенно необъяснимым было бы то энергичное сопротивление, которое оказывали свободные крестьяне закреплению зависимых париков крупными феодалами, если бы положение их было лучше положения свободных крестьян. Для русских византинистов, много работавших над изучением истории византийского крестьянства, было бесспорно, что положение париков было несравненно тяжелее положения свободных крестьян, организованных в общину, которая показала свою живучесть и устойчивость. И совершенно естественным в работе одного из учеников Ф. И. Успенского, начавшего исследовательскую работу еще в дореволюционное время и продолжавшего свою научную деятельность в области византиноведения в советское время, было высказанное им утверждение, основанное на всей предшествующей работе русских византинистов, о том, что более тяжелым (чем у свободных крестьян-общинников) было экономическое положение париков, не имевших своих земельных участков

⁷⁰ Miklosich-Müller, Acta, VI, p. 214.

⁷¹ G. Ostrogorsky. Agrarian Conditions in the Byzantine Empire.— Cambridge. Economic History, vol. I. Cambridge, 1942, p. 218 ff.